

Рутт Хинрикус (Тарту)
О неведении и его видах:
Эстония советская и Эстония зарубежная

Что означал текст эстонского зарубежья для эстонского читателя в советское время? Моё поколение, те, кто старше меня, а также часть более молодых не могут ответить на этот вопрос, минуя какую-либо эмоционально памятную с университетских времен картину т. н. золотых шестидесятых, конца «оттепели». Обычно вспоминается, как на короткое время, часто на один день или ночь удавалось заполучить какой-нибудь роман эмигрантского автора или как переписывали стихи авторов эстонского зарубежья. Особенно популярным был единственный поэтический сборник Карла Ристикиви, «Путь человеческий», в Эстонии запрещенный. Лишь стихотворение, которое начинается со слов «и я был на пути в Аркадию» стало символом изгнания и было разрешено, потому что отражало «болезненную тоску по родине», «перспективу бездомности»; «тупик буржуазной идеологии» и т. д. Для нас оно было символом недостижимого времени и пространства: «Только не говорите, что так хорошо, что такова жизнь, потому что вы не знаете, вы не испытываете моей бездомности».

Этот текст казался одновременно прекрасным и грустным, это был экзистенциальный крик, который мы не могли понять вполне, но который казался романтическим и завлекательным.

Мы не знали, что разрешено, а что под запретом. Иногда мы обнаруживали, что среди запрещённых есть менее запретные и даже разрешенные тексты. Но какие именно? Да и как мы могли это знать, если не знали, какие существуют. Постепенно мы сообразили, что именно это от нас и скрывали.

Рецепция эстонской зарубежной литературы отечественным эстонским читателем — это процесс длиной более чем в 60 лет. Я буду рассматривать отношения эмигрантского эстонского текста

© Rutt Hinrikus, 2010

© TSQ 34, Fall 2010 (<http://www.utoronto.ca/tsq/>)

и отечественного эстонского читателя в период 1944—1991 гг., то есть, в годы советской аннексии.

Понятие «зарубежная эстонская литература» обычно охватывает литературу, созданную эстонцами, бежавшими из Эстонии в конце Второй мировой войны и поселившимися в других странах. Эстонцам и прежде случалось уезжать жить за пределы Эстонии. В последней трети XIX века начался их активный выезд в Россию, в меньшей степени они уезжали и в Америку. Это были главным образом экономические беженцы, длительное время сохранявшие свой язык и культуру, но их литературное творчество существовало скорее как увлечение, на одном энтузиазме, и обычно не вмещается в рамки канона литературы эстонской эмиграции.

Осенью 1944 года дороги Эстонии были полны беженцев. Если бы не осенние штормы и быстрое наступление советских войск, убежала бы по меньшей мере треть населения Эстонии. Была всеобщая паника, причины которой крылись в советском насилии 1940-1941 гг., апогеем которого стала июньская депортация 1941 г. В действительности покинуть страну удалось от 7 до 10 процентов, считается, что беженцев было от 70 до 75 тысяч¹, ведь в результате депортаций, мобилизаций и репрессий число способных убежать сильно сократилось.

Ко времени этого исхода эстонская культура в течение менее чем столетия пережила период быстрого развития, которое прервалось, когда в конце Второй мировой войны из Эстонии бежало множество творческих личностей, в том числе и немало писателей в лучшем творческом возрасте. На чужбине беженцы сохранили государственную преемственность, восстановили все государственные структуры и основали множество обществ и других добровольных объединений.

Политика репатриирования, которая осуществлялась в Эстонии, так же как в соответствующем центральном учреждении в Москве, принесла очень мало результатов. Общее число репатриантов к 1950 г. составило 9450 человек². Те, кто уехал, года-

¹ Raag, R. Eestlane väljaspool Eestit. Tartu, 1999. Lk. 13.

² Jürjo, I. Pagulus ja Nõukogude Eesti: Vaateid KGB, EKP ja VEKSA arhiividokumentide põhjal. Tallinn, 1996.

ми жили «на чемоданах», ожидая обратного исхода. Те, кто остались дома, ждали того же самого.

Круглым счётом десять лет у беженцев не было почти никакой связи с Эстонией, кроме радиоволн. Люди надеялись, а радиостанции, как например, «Голос Америки», пробуждали надежду на то, что Рузвельт поможет, что Запад вмешается, что Прибалтийские государства освободят. Мало кто понимал, до чего абсурдны были эти надежды, учитывая, как распределялись силовые линии в послевоенном мире. Прекрасным свидетельством ментальности, ожиданий и страхов эстонцев в послевоенные годы служит дневник школьного учителя и литературоведа Яана Рооса. Так 27 января 1947 г. Роос пишет: «По слухам в западных зонах Германии сформирована полностью вооруженная армия из 100 000 эстонцев, латышей и литовцев»³.

Отношения читателя советской Эстонии и эстонского зарубежного текста, именно литературного текста на протяжении примерно полувека не были одинаковыми: периоды полного игнорирования сменялись периодами сближения и отдаления, но для любого из них характерно было неведение людей, живших в Эстонии, о культуре эстонского зарубежья. Эмигрантские газеты были полным табу, любая информация, исходившая из эстонского зарубежья, должна была оставаться за железным занавесом. На примере Эстонии можно утверждать, что у советского читателя не было даже кратковременных контактов с эмигрантской культурой, на родине были известны одиночные произведения, доходила более или менее отрывочная и случайная информация, но любые попытки сближения отслеживались бдительным оком и идеологическими стражами в компартии и органах безопасности.

Во времена сталинского режима железный занавес был почти герметичным. Литература эстонского зарубежья стала политическим понятием, использовался термин «эмигрантская литература», который зарубежные эстонцы считали несправедливым, предпочитая понятие беженская литература. Они были политическими беженцами. Это подчёркивалось тем фактом, что во времена сталинского режима все произведения писателей, оказавшихся за рубежом, на родине были запрещены. Все с ними свя-

³ *Roos, J. Läbi punase öö I. Tartu, 1997. Lk. 26.*

занное согласно директиве было убраны в спецфонд, не существовало.

Среди беженцев оказалась большая часть лучших эстонских писателей (за исключением тех, кто опоздал убежать: Ф. Туглас и др.). Наиболее крупными центрами изгнания были Швеция и Канада. Культурная и литературная деятельность эстонцев на чужбине возникла быстро, в первый же год появились первые книги на эстонском языке.

Издательство «Отто» начало свою деятельность в Швеции уже в 1944 г., а в 1951 г. оно было переведено в Торонто. В то же время, в 1951 г., в Лунде под руководством писателя Бернарда Кангро начало свою работу издательство Кооператива эстонских писателей⁴. Оба издательства действовали по принципу книжных клубов, рассылая свои книги эстонцам, обосновавшимся по всему миру. Во всех местах обитания эстонцев выходили газеты на эстонском языке, издавалась и другая литература, в том числе литературный журнал «Тулимумльд» («Огненная земля»), к которому в 1957 г. добавился журнал «Мана».

Если до 1955 г. за границы советской Эстонии попадали единицы — их количество можно было сосчитать на пальцах двух рук (спортсмены, пара журналистов или политиков на конгресс мира и т. п.), то начиная с 1955 г. организовывали обмен делегациями, некоторые люди получали ограниченную возможность в течение нескольких дней и под неусыпным надзором посетить Финляндию или какую-либо другую страну. Доступ к новейшей литературе действовал очень благотворно. Так поэтесса Дебора Вааранди связывала изменения в своей поэзии с чтением сборника стихов Катре Вала, привезенного из Финляндии⁵.

В послевоенное десятилетие в литературной жизни Эстонии царил упадок. В эмиграции в то же время происходил приток новых авторов и новых произведений. Плодотворный период начался у многих писателей, вступивших в литературу в 1930-х гг. и пришедших главным образом из журналистики. Многие из тех, кто начал раньше, да и новички в литературе наряду с чувством миссии брались за перо, по всей вероятности, из потребности общения с соотечественниками, желание запечатлеть исторический

⁴ *Kronberg, J. Tüibhobu märgi all.* Tallinn, 2002. Lk. 17.

⁵ Беседа автора статьи с Д. Вааранди, 1993 г.

опыт своего народа, а также чувство одиночества и бездомности. Особенно много новых имен добавилось в литературе на рубеже 1950-х и 1960-х годов, ежегодно вместе с мемуарами появлялось около двадцати оригинальных прозаических книг. По сравнению с выходящими на родине эмигрантский урожай книг оказался вначале значительно более богатым.

В 1957 г. беженцы устроили в Хельсинки выставку послевоенной эстонской культуры. Рядом с ней быстро воздвигли литературную выставку советской Эстонии. С 20 по 29 марта в хельсинском Доме научных обществ демонстрировалась графика и книжная выставка советской Эстонии, а 22—31 марта в библиотеке хельсинского студенчества прошла выставка эмигрантской литературы «Эстонская книга в свободном мире»⁶. За пределами Эстонии в течение 12 лет вышло в пять раз больше произведений художественной литературы, чем в советской Эстонии, в то же время в эмиграции находилось всего лишь 6—7 % довоенной читательской аудитории. Факт неприятный, но, к счастью, жители советской страны почти ничего обо всем этом не знали.

Однако в отношении к литературе эстонского зарубежья происходили изменения, которые колебались с переменами в советской идеологии. За равенством не существовать времён сталинского режима — если не знаешь, то и не существует — последовало разделение на разрешенную и запрещенную и даже особенно запрещенную литературу.

Калью Вескимяги, опубликовавший объёмное исследование цензуры, разъясняет: если власть цензуры была тайной, то почтовая, или зарубежная цензура была абсолютной тайной. Согласно Вескимяги, в 1959 г. было запрещено примерно 40 % печатной продукции эстонского зарубежья. И все же в цензуре была заметна тенденция к ослаблению, например, до адресатов доходила треть почтовых отправок⁷.

Таким образом, за эпохой абсолютного молчания, временем, когда железный занавес был накрепко задернут, последовал период приоткрытых дверей, когда что-то и в какой-то мере было разрешено.

⁶ Olesk, S. Kahe Eesti kahekõne // Eesti kirjanduse kontekstidest XX sajandi keskel. Tartu, 2002. Lk. 152.

⁷ Veskimägi, K. Nõukogude unelaadne elu. Tallinn, 1996. Lk. 270.

С зарубежной эстонской литературой, представлявшей чуждую идеологию, в период послесталинской оттепели воевали различными методами. За поддержанием полного неведения последовала взвешенная и проверенная информация. Советский читатель мог, напр., прочесть в газете о произведениях, которых не мог ниоткуда получить, при этом целью рецензии было внушить, что подобные произведения и не нужно знать. Пропаганда должна была углубить противостояние советских и капиталистических ценностей, разоблачить западный образ жизни. Учреждение в 1958 г. газеты «Kodumaa» («Родина»), направленной на зарубежных эстонцев, добавило новое игровое поле, на котором можно было использовать несколько иной язык, чтобы его воспринимали читатели эстонского зарубежья. В переломном 1958 г. вышли в свет замалчивавшиеся 15 лет «Избранные стихотворения» Марие Ундер. Их раскупили за несколько часов. В 1959 г. издали «Стихотворения» Густава Суйтса. Это было знаком — под неусыпным оком цензора, цементируя всё обязательными фразами, можно кое-что написать о творчестве авторов эстонского зарубежья. Неведение сменялось направленным и контролируемым знанием.

Историю эстонской литературы невозможно представить без таких авторов, как М. Ундер, Г. Суйтс, А. Мьяк, А. Гайлит, Б. Кангро, Х. Виснапуу, К. Ристикиви. Именно с них все начиналось, и именно они стали известны в Эстонии: их инкорпорировали в эстонскую советскую литературу более ранней частью их творчества. Реже называли произведения некоторых писателей, дебютировавших за рубежом: К. Лепика, А. Вихалемма.

Подвергнутая тщательной цензуре пятитомная «История эстонской литературы» (1965—1991 гг.) отражает литературную парадигму, которая по видимости нейтральна — например: «С осени 1944 года Аугуст Гайлит жил за границей; в сентябре 1944 г. Адсон вместе с Ундер уехал в Швецию; осенью 1944 уехал и поэт Виснапуу» и т. д. Но за этой обманчивой нейтральностью стоит сильная идеологизированность всего изложения и спрятан огромный пласт истории эстонской литературы.

В приложении к газете «Кодумаа» в 1965—1966 гг. опубликовали тоненькие, двухкопеечные подборки стихов трех эстонских поэтов-эмигрантов: в 1965 — «Половинки облика одного поэта родом из Пярну» Арно Вихалемма и «Ты елка, а я ольха» Калью

Лепика; в 1966 «Вечер на чужбине» Бернарда Кангро. Все три были снабжены предисловиями, чтобы дать читателям кое-какие факты из жизни писателя и сориентировать их на верное понимание поэтов-эмигрантов. Так Э. Сылель в предисловиях к стихам А. Вихалемма отмечает, что развитие взглядов автора было неровным, хотя на родине он начинал с атак на реакционную буржуазию, в изгнании у него возникает «неверное представление о жизни на родине». Эти три тетрадоочки свидетельствовали, что их авторов можно рассматривать публично. В составленной П. Руммо антологии «Эстонская поэзия: антология 1637—1965» (1967) зарубежная эстонская поэзия была представлена теми же тремя именами с добавлением Ивара Грюнталя и Харри Аси.

В 1953 г. был издан роман Карла Ристикиви «Навья ночь», веха эстонского модернизма. Едва ли тогда в Эстонии можно было отыскать тех, кто прочел этот роман. И все же, по крайней мере, один был: в газете «Rahva Hääl» («Голос народа») 3 апреля 1958 г. появилась рецензия под псевдонимом М. Киви. Рецензент писал о тупике беженской идеологии и направлял статью не против романа Ристикиви, но против узко трактуемой его эмигрантской критики: «Если бы только автор „Навией ночи“ более решительно распахнул те двери и завесы, которые так долго и безжалостно закрывали ему выход из «дома мертвого человека», — заканчивал М. Киви, приходя на помощь романисту. Читатель таким образом узнавал, что Ристикиви опубликовал новый роман.

У эмигрантского писателя было обычно две ипостаси: часть разрешенная и часть запрещенная. Большинство произведений Ристикиви было разрешено. Другое дело, как достать разрешенные произведения — библиотеки их заказывать не имели права, их присылали сами авторы или родственники и знакомые.

«Kodumaa» публиковала с продолжением (повторным изданием) даже некоторые романы зарубежных авторов — «Преображения Маркуса» Уйбопуу, «Песнь радости» Ристикиви. В это же время в Эстонии издали еще две книги эстонских эмигрантов, «Весеннюю землю» Аугуста Мьялка, а в 1963 г. в сброшюрованном виде библиотечку переводных произведений журнала творческих союзов «Лооминг», где среди прочего была представлена и эстонская литература — «Остров чудес» Ристикиви.

Сам автор писал сводному брату Рихарду Кеэру: «Вот и „Остров чудес“ у вас вышел. Это был в самом деле сюрприз, особенно скорость. Пока что я видел книгу, только одолжив её у друга, но слышал, что по меньшей мере один экземпляр для меня уже в пути. Да мне больше и не надо — важнее, чтобы хватило читателям в Эстонии».

Летом 1966 г. Кеэр посетил Ристикиви в Стокгольме с поручением пригласить писателя назад в Эстонию. Из дневника и писем Ристикиви нам известны его проблемы: благодарность матери Кеэра не позволяла отказаться от приема гостя. О завинчивании гаек, начавшемся на родине, можно судить по финалу публикации романа в библиотеке «Лооминга». Ристикиви писал Кеэру:

«Дело “Острова чудес” получило своеобразное продолжение. В первом номере библиотеки «Лооминга» за этот год, там, где полный список книг, <...> его вообще нет, т. е. он никогда не выходил в Эстонии. Или исчез, как рога у дьявола» (21.03.69)⁸.

Ристикиви был автором, у которого можно было в ту пору прочесть то или иное произведение. Но для многих он стал символом изгнания, метеоритом, взлетевшим на литературное небо в 1936 г. и бежавшим в 1943 г. из Эстонии от немецкой армии. Возможно, из-за этого книгу и выбросили из списка изданных? Идеологическая борьба была полна парадоксов, но и универсальных правил: если неизвестно — значит, не существует.

В 1958 г. начало свою деятельность Эстонское общество культурных связей с зарубежными странами, одной из низовых организаций которого было Общество по развитию дружеских и культурных связей с зарубежными эстонцами (VEKSA). Созданная в 1969 г. VEKSA работала, разумеется, в тесном содружестве с советскими разведывательными органами. Однако приходилось хотя бы каким-то образом оправдывать свое название — развивать культурные связи: VEKSA устраивала литературные вечера по случаю юбилеев зарубежных писателей, курсы для деятелей культуры — особенно молодых — по ту и по эту сторону границы и т. п., по принципу — если уж вы переступаете границу запретной ли-

⁸ Karl Ristikivi valitud kirjad. Tartu: ЕКМ, 2002. Lk. 363. В качестве комментария можно сказать, что «Остров чудес» числится в ретроспективных списках библиотеки «Лооминга» за 1966—1968 гг. в общем перечне 1969 г., и книга была вновь включена в список этой серии только в 1987 г.

тературы, которая, правда, нигде не обозначена, то делайте это под нашим бдительным оком и рассказывайте нам обо всех своих мыслях и заботах. Как свидетельствует исследование Индрека Юрьё⁹, многие попадались на эту удочку.

Информацию о ввозимой, то есть посланной по почте или привезенной из загранпоездки литературе выдавали печатью, которую ставили на книги. Разрешенные отмечали треугольником, в центре которого ставился номер; шестиугольник маркировал запретные книги, которых рядовые люди не видели — они могли находиться только в специальном отделе библиотеки (в Эстонии были 4 такие библиотеки), и читать их можно было по специальному разрешению. Книги, отмеченные двумя шестиугольниками, были особенно опасными, они не могли находиться даже в спецфонде — их отправляли в Таллин в единственный спецотдел.

Читателей тоже классифицировали: рядовой читатель мог получить в хорошо оснащенной, напр., университетской библиотеке литературные произведения эстонского зарубежья, которые не были запрещены, напр., исторические романы Ристикиви, но не все его романы, причем было неизвестно, почему нельзя читать, напр., роман «Двойная игра» (в этом произведении, стилизованном под детективный роман, были две нежелательные фразы), зато можно было прочесть роман «Римский дневник». Как правило, читатель и не мог знать о существовании такого романа. Единое целое зарубежного эстонского сообщества, его культуры, более узко — его литературы — было скрыто, собирали лишь отдельные осколки.

В 1958 и 1960 гг. Институт языка и литературы АН ЭССР организовал литературные экспедиции, в ходе которых фотографировали бывшие места жизни зарубежных писателей и собирали данные о материалах, оставшихся в Эстонии. Была сделана попытка собрать письма писателей-беженцев на родину, отдельные фотографии, однако желание помочь и недоверие проявлялись с равной силой. Нередки были случаи, когда кто-либо приносил полученный в письме фотоснимок Марие Ундер, на котором больная пожилая поэтесса лежала в постели, или обещали переписать письмоце, где были такие строки: здоровье Марие все слабеет

⁹ *Jürjo, I. Pagulus ja Nõukogude Eesti: Vaateid KGB, EKP ja VEKSA arhiividokumentide põhjal. Tallinn, 1996.*

и пр. Частные письма передавали с большой осторожностью, даже если это была вполне невинная весточка: передача в музей образца почерка — в принципе честный поступок в отношении отправителя — могла повредить как коллекционеру, так и передаточному звену. Даже профессионалы (например, литературовед Эрна Сийрак, начавшая писать монографию, посвящённую Ундер) набирали материал по случаю и не могли осуществить задуманное. Э. Сийрак не удалось получить даже обзор библиографии Ундер. Кстати, выслать из Эстонии литературные материалы, если они вышли в свет до 1940 г., было очень и очень сложно. Материалы, доверенные почте, должны были миновать несколько опасностей: оформление разрешений, трудности с копированием, визирование в спецотделе и т. д.

Издание «Истории эстонской литературы», вышедшей в свет в течение тридцати лет начиная с 1965 г., отражает литературную парадигму, из которой изгнано множество писателей и литературы. И все же было невозможно полностью перечеркнуть общеизвестных авторов, составивших себе имя еще в довоенной Эстонии. Академическая история литературы была направлена на определённую читательскую аудиторию.

Иным было положение с учебниками. Учебник 1962 г. «История эстонской литературы. Часть II» предназначался для средней школы и рассматривал эстонскую литературу с конца XIX века до советской аннексии в 1940 г., в терминах того времени — до восстановления советской власти. Наряду с избранными знаниями он учил и избранному неведению. О. Г. Суйтсе там можно было прочесть: в заключительный период Второй мировой войны он выехал за рубеж, где жил как оторванный от своего народа эмигрант, не понимающий устремлений народных масс. Карла Ристикиви уличали в том, что он не сумел разобраться в демагогической пропаганде эстонских буржуазных националистов и фашистов и во время войны повернулся к родине спиной. Его творчество периода эмиграции явственно свидетельствует об идейном и художественном тупике, в котором оказалась бесперспективность жизни бездомных эмигрантов. Отъезд за границу Марие Ундер (и еще нескольких авторов) замалчивался, рассматривалось — и то петитом — только их раннее творчество (или не рассматривалось вообще).

Учебники должны были утверждать принцип осуждения литературы, содержание которой читателям не было известно. В 1975 г. был издан первый советский биографический словарь эстонской литературы. Он включает имена всего десяти писателей-беженцев и повторяет расхожие лозунги или их варианты. Например, Гайлит назван интеллигентом (извиняющая характеристика), плохо ориентирующимся в политике, чьи романы идеализируют буржуазию или отражают антисоветские тенденции эмигрантской верхушки. Творчеству Кангро и Кивикаса предьявлялся упрек в плоской антисоветской пропаганде, у Кангро к этому добавлялась склонная к негативизму сюрреалистическая манера изложения и элементы мистики. Характеристику Лепика украшали новые лозунги: болезненная ностальгия, пессимизм, поиски третьего пути (хотя его поэзия снискала несколько добрых слов за народность).

В 1960-е годы в литературу пришло последнее молодое поколение писателей зарубежья. В 1965 г. был издан первый роман этого небольшого поколения — «Кошка ест траву» Хельги Ньу. Газета «Rahva Hääl» опубликовала уничижительную оценку романа Паулем Руммо: циничная аморальность молодежи, которая свидетельствует об упадке, и т. п. — это должно было дать информацию о книге, которую нигде нельзя было достать и о существовании которой стало известно только после рецензии. Если клеймят — значит, существует.

Если романы Ристикиви во многих случаях получали разрешительный штамп, а романы Х. Ньу, как правило, венчал шестиугольник, то дебютный роман ее мужа Энна Ньу «Торжественный марш», изданный в 1968 г., снабдили целыми двумя шестиугольниками. Их пришлось особенно рьяно защищать от эстонского читателя, и вновь лучшей защитой было сокрытие самого их существования. Абсолютно запретных, тотально неизвестных эстонскому читателю авторов было довольно много, большинство из них писало идеологически заряженную прозу. Но поскольку читатели почти ничего о них не знали, им было трудно выносить квалифицированные решения.

Возможность написать в Эстонии монографию о творчестве кого-либо из писателей-беженцев была весьма сомнительной. И все же у писателей эстонского зарубежья возникали свои иссле-

дователи. Часто они сосредоточивались в основном на более раннем, предвоенном периоде творчества (например, монография Э. Нирка «Путник и звезды» о Ристикиви). Некоторые работы так и не были завершены (уже упоминалась монография Э. Сийрак о М. Ундер). Получить цельный обзор в то время, когда главным оружием против другой идеологии было замалчивание и удержание общества в состоянии неведения, было почти невозможно.

Контакты и столкновения двух различных идеологий становились темами и советской и эмигрантской эстонских литератур. Персонажи многих романов, написанных в эмиграции, во сне совершают поездки на родину. В романе А. Кивикаса «Kodukäija» этого персонажа в Эстонии ждет кровавое сведение счетов, в романе Х. Ньу «Tiiger, tiiger» беженец приезжает в Эстонию, где не в силах сориентироваться и подвергает свою жизнь опасности. В романе Кангро «Puu saarel on alles» гость встречается с одноклассниками, но более важной оказывается встреча с девушкой нового поколения. На новое поколение возлагаются надежды и в романе Х. Ньу. С романом Кангро «Sinine värav», в котором встречаются советский и зарубежный эстонцы, полемизирует роман советского эстонского писателя Владимира Бэкмана «Транзитный пассажир». Разумеется, читатель романа Бэкмана не мог понять подтекста, потому что, как правило, не мог прочесть романа Кангро, а романы Кивикаса и Х. Ньу вообще были запрещены.

В 1956 г. Д. Вааранди написала (после поездки в Швецию) стихотворение «Встреча», в котором обратилась к беженцу: «и если твоя рана / нанесена тобой самим / над болью не насмеются, / бездомье / которое не проходит / одиночество без дверей / отталкивает как защитный ров»¹⁰. Поэтесса противопоставляет жизни вдали от родины чувства дома как опору на жизненном пути: «ведь я тоскую по дому / после простой и тяжелой работы».

Точно так же рассматривает жизнь беженца и Ю. Смуул в своем дневнике антарктического рейса «Ледовая книга» (1958), где он описывает встречу в Аделаиде с зарубежными эстонцами и размышляет об их жизни. «У эстонских, так же как и у русских эмигрантов, все больше крепнет желание вернуться на родину,

¹⁰ Vaarandi, D. Kohtumine // Rummo, Paul (koost.). Eesti luule. Tallinn, 1967. Lk. 666.

хотя препятствий к этому очень много. Вся их информация почерпнута из выходящих в Швеции и в Америке эмигрантских газеток, к которым, надо сказать, относятся что ни год все с большим скепсисом и недоверием. Вспоминается, что не то в “Вялис-Ээсти”, не то в “Театая” Рея мне в свое время попала такая рубрика: “Что плохого сообщают с родины”». ¹¹

У Смуула позиция была готова еще до встречи: беженцы несчастны, их жизнь, возможно, внешне и презентабельнее, но это псевдожизнь, в которой нет подлинных ценностей. Вааранди и Смуул во времена социального оптимизма конца 1950-х гг. были искренни в своем желании верить в общество, в котором у них были привилегии и которому они были обязаны. Противопоставление ценностей НАШЕГО и ИХ общества было обычным приемом идеологической войны.

Когда в 1998 г. литература эстонского зарубежья стала свободно и массово доходить до библиотек и читателей в Эстонии, поначалу возник огромный интерес, но и определенное разочарование. Большая часть эстонских эмигрантских романов оказалась литературой 1930-х годов, законсервировавшейся со своими темами и средствами выразительности в зарубежье. Рядовому читателю оказались далекими и литературные эксперименты и поиски, так что наиболее востребованными в библиотеках стала не беллетристика, а мемуаристка. Две ветви эстонской литературы, созданной на родине и в изгнании, начиная с 1990-х годов соединились в единую эстонскую литературу, но историю отрицать невозможно. Даже в XXI веке у эстонского читателя наблюдается несколько иной горизонт ожиданий в отношении эстонских книг, изданных за пределами страны, чем в отношении книг, изданных в Эстонии.

¹¹ Смуул Ю. Ледовая книга. М., 1959. С. 207.